

**В. КАВЕРИН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ
(РОМАНЫ В. КАВЕРИНА «СКАНДАЛИСТ,
ИЛИ ВЕЧЕРА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ»
И О. ФОРШ «СУМАСШЕДШИЙ КОРАБЛЬ»)**

С.А. Румянцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sonya_kit-kit@mail.ru*

Аннотация: Статья представляет собой историко-литературный анализ роли В. Каверина в литературной жизни России начала 1920-х годов. Основное содержание сосредоточено на эволюции В. Каверина от формалистских экспериментов и участия в объединении «Серапионовы братья» к реалистической прозе. Статья раскрывает писателя как литературного героя, делающего выбор между теорией литературы и художественной практикой, который отражен в его художественном творчестве и мемуарах. В качестве материала анализируются романы В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и О. Форш «Сумасшедший корабль». Отдельное внимание уделяется жанру «романа с ключом» как своеобразному явлению литературного процесса 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: В. Каверин; О. Форш; роман с ключом; формализм; Серапионовы братья; В. Шкловский; «Сумасшедший корабль»; «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-13

Для цитирования: Румянцева С.А. В. Каверин как литературный герой (романы В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и О. Форш «Сумасшедший корабль») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 154–162.

**V. KAVERIN AS A LITERARY HERO (IN THE NOVELS
THE BRAWLER, OR EVENINGS ON VASILYEVSKY ISLAND
BY V. KAVERIN AND THE CRAZY SHIP BY O. FORSH)**

Sofya A. Rumyantseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sonya_kit-kit@mail.ru

Abstract: The article is a historical and literary analysis of the role of V. Kaverin in the literary life of Russia in the early 1920s. The main content focuses on the

evolution of V.A. Kaverin from formalist experiments and participation in the association of the “Serapion Brothers” to realistic prose. The article reveals the writer as a literary hero who makes a choice between literary theory and artistic practice, which is reflected in his artistic work and memoirs. The novels of Kaverin *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island* and O. Forsh *Crazy Ship* are analyzed as material. Special attention is paid to the genre of the “novel with a key” as a peculiar phenomenon of the literary process of the 1920s and 1930s.

Keywords: V. Kaverin; O. Forsh; roman à clef; formalism; “The Serapion Brothers”; V. Shklovsky; *The Crazy Ship*; *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island*

For citation: Rumyantseva S.A. (2026) V. Kaverin as a Literary Hero (in the Novels *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island* by V. Kaverin and *The Crazy Ship* by O. Forsh). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 154–162.

В 1920 г. Дом литераторов объявил конкурс рассказов, на котором с дебютом выступил В. Каверин, недавно переехавший в Петроград из Москвы. Будущий писатель перевелся с историко-филологического факультета Московского университета на философский факультет ЛГУ. Каверин размышляет, что ему ближе — создавать литературу или изучать ее. Этот вопрос еще долго будет его терзать, и именно эти метания определяют авторский стиль — с одной стороны, он увлечен авантурным сюжетом, желая погрузить читателя в художественный мир, с другой — он движется не на ощупь, а применяя подходы разных теоретических школ.

На конкурс Дома литераторов Каверин отправляет рассказ «Одиннадцатая аксиома». История создания первого рассказа описана автором в романе, выпущенном семь лет спустя, — «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Одиннадцатая аксиома — это аксиома Лобачевского, согласно которой параллельные прямые могут пересекаться. Именно это и происходит с сюжетами в рассказе: сюжеты о монахе, разочаровавшемся в вере, изрубившем иконы и бежавшем из монастыря, и студенте первых послереволюционных лет, бежавшем в другое столетие от кредиторов, скрещиваются в бесконечности параллельных прямых, соединяясь на неведомых берегах.

Каверин вспоминал: «Через три дня я закончил рассказ и послал его на конкурс под многозначительным девизом: “Искусство должно строиться на формулах точных наук”» [Каверин 1983: 438].

Рассказ понравился Шкловскому, и тот представил автора будущим «Серапионовым братьям».

Не вполне ясно, кто придумал название для объединения. Никто не торопится объявить себя инициатором, поэтому многие ссылаются на негласного лидера — Льва Лунца, который умер от тяжелой

болезни еще в 1924 г. Однако часть мемуаристов группировки сходится в том, что автором был именно Каверин. Подтверждением этой версии служат слова Шкловского: «Был Вениамин Каверин — романтик, он, вероятно, и нашел слово “серапионы”. Тогда писал он условные, очень изобретательные рассказы» [Шкловский 1966: 420]. Этой же версии придерживается и Н. Чуковский: «Название “Серапионовы братья” предложил Каверин. Он в то время был пламенным поклонником Гофмана» [Чуковский 1998: 80].

Сам Каверин эту версию нигде не подтверждает, но нельзя не заметить упражнения прозаика в условностях и приемах остраниения, продолжающиеся десятилетия. Е. Шварц отмечает: «был он больше всех литератор... И к литературе подходил он через литературоведение. И то, что он прочел, было для него материалом, а то, что увидел — не было... Все серапионы любили говорить об остраниении, обрамлении, нанизывании, и только, пожалуй, один Каверин принял эти законы органично, всем сердцем» [Шварц 1990: 506].

«Игры» с языком и сюжетом Каверин демонстрирует в ранних рассказах. Например, «Хроника города Лейпцига за 18... год» демонстрирует влияние Гофмана: финал с победой фантазии над разумом отражает дух немецкого романтизма. Как последователь Гофмана Каверин воплощает эстетические принципы романтизма через фантастические происшествия, гротеск, иронию и прямое авторское вмешательство в повествование [Васильева 2010: 75].

В произведении «Пятый странник» Каверин, продолжая традиции Гофмана, ниспровергает трагедию Гете «Фауст» через негативный интертекст: герои отказываются от романтических поисков истины, а глиняный человек манипулирует сюжетом, символизируя переход к новым литературным силам XX века [Лю Линь, Вань Юй 2025: 1784].

Д.Д. Николаев отмечает, что Каверин действительно больше других «братьев» следует заветам Гофмана, предлагая новую модель авантюрного повествования, в которой фантастика и реальность синтезируются не для развлечения, а для философского осмысления эпохи. Сюжеты Каверина, вдохновленные Гофманом, но перенесенные в мир революционной России, разрушали и воссоздавали иллюзию, превращая приключения в метафизические эксперименты. Эксперименты Каверина стали реализацией эстетического курса всей группы «Серапионовых братьев» как ответа на кризис реалистического представления мира [Николаев 2006].

В Дома искусств «братья» делились планами, читали друг другу свои произведения, давали литературные советы, учились у старших товарищей, которые нередко заходили на их встречи. Среди гостей Дома были Замятин, К. Чуковский, Ходасевич, а также начинающая

писательница Ольга Форш, которая спустя почти десятилетие написала «роман с ключом» о ДИСке (Доме ИСКусств). Каверин вспоминал: «Мы собирались каждую субботу в комнате Михаила Слонимского в Доме искусств. Впоследствии Ольга Форш назвала этот дом “Сумасшедшим кораблем”» [Каверин 1983, т. 7: 8].

«Роман с ключом» восходит к европейской литературе XVI в. Первоначально он служил своеобразной интеллектуальной игрой для светского общества: авторы в сатирических персонажах с узнаваемыми чертами и условными кодами изображали реальных лиц придворного круга. Часто в конце таких произведений приводился перечень прототипов, что способствовало точному восприятию авторского замысла. В XX в. в России жанр переживает переосмысление: «ключ» становится метафорическим и зависит от читательской эрудиции, а маскировка событий и персонажей приобретает более тонкий и ироничный характер. В советской литературе 1920-х гг. «роман с ключом» выступает как инструмент художественного осмысления социальных и культурных трансформаций: несмотря на документальность, под влиянием модернизма жанр искажает реальность, заменяя причинно-следственные связи ассоциациями и аллюзиями, и нарушает хронологию [Горшкова 2013: 139].

«Сумасшедший корабль» традиционно рассматривается как третий роман с ключом, изображающий жизнь ленинградской богемы 1920-х гг. (после «Козлиной песни» Вагинова (1927) и «Скандалиста» Каверина (1928)).

Хронологический разрыв между романами Каверина и Форш является существенным. Каверин создавал текст в непосредственной близости к описываемым событиям, фиксируя кризис интеллигентского сознания 1920-х годов. Форш же предлагает историческую ретроспективу: описываемый период уже воспринимается как завершенная эпоха, многие герои либо покинули страну, либо ушли из жизни, либо изменились до неузнаваемости.

Сходство творческих путей двух писателей подтверждает сравнительный анализ произведений: оба автора преодолевают наследие Серебряного века. Форш начинает с мистических рассказов о продаже души за талант («Рыцарь из Нюрнберга»), Каверин — о продаже тени («Пурпурный палимпсест»). Затем они переходят к документализму, запечатлевая литературный быт своей эпохи. Форш пишет исторические романы, Каверин — авантюрную прозу.

Структуру «Сумасшедшего корабля» определяют литературные фигуры, которым посвящена каждая «волна» (глава): Блок, Горький, Андрей Белый и Клюев. Последняя глава посвящена новому поколению, включая «Серapiоновых братьев». Поэт из молодого поко-

ления (О. Форш под этим героем прячет современника «Серапионовых братьев», Н.С. Тихонова) определяет идею новой литературы, отвергающей преемственность, так: «Мы зажигаем свой огонь, чтобы сварить похлебку». Явно, что и сами «серапионы» следуют этой цели. Группа сохраняет искусство в эпоху революции, объединяя разнородных авторов, и переносит его через «бурную реку событий».

Писательница, сравнивая Дом искусств с «адам в аду» из-за царивших там взаимного подсиживания, тщеславия и предательства, играет с литературным контекстом, отсылает к «Божественной комедии» Данте, где корабль с писателями символизирует судно Вергилия и Данте, огромная печь у подножия коридора напоминает Цербера, а упоминание волшебного средства аргонавтов в последней главе перекликается с мифологическими мотивами [Чистобаев 2016: 186].

Форш не берется описывать каждого писателя по отдельности, воспринимая их как единое целое, устремленное в одном направлении. Хотя, например, К.А. Федин советовал ««серапионов»... дифференцировать, иначе она запутается. Ведь серапионы — “единство противоречий”» [Федин 1986: 51].

«Братство» в интерпретации Форш существует «на принципе сохранения самого искусства, когда истории страны было не до искусства» [Форш 1964: 220]. Конфронтационный характер «братства» на страницах романа и в жизни подчеркивает Каверин: «Мне кажется, что он [роман «Сумасшедший корабль» — С.Р.] только потому и представляет некоторый интерес... что в нем закреплён факт, характерный для истории нашей литературы. В нём “молодые” двадцатых годов не согласились “лежать на стилище”» [Каверин 1989, т. 7: 46].

Сохранением какой культуры занимались «серапионы»? Несмотря на противоборство «западников» и «восточных» «братьев», среди традиций, важных для них всех, можно назвать развитие сюжета. Для Форш, видимо, развитие романа с ориентацией на западную литературу выходило на первый план (что кажется логичным, если вспомнить название объединения): «Вертер, конечно, жил в каждом из них» [Форш 1964: 223]. Далее писательница рассказывает, кто и как обошелся с этим наследием, но один «страшно умный, укрыл его в собственной эрудиции. Своего Вертера он выщелкнул в персонаж исторический с твердой репутацией скептика» [Форш 1964: 223]. Кажется, эта характеристика относится к автору другого романа с ключом, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где «скандалист» — художественно обработанный образ Вик-

тора Шкловского, для которого также справедлива оценка «Вертера... с твердой репутацией скептика»¹.

По этим косвенным признакам можно заметить, что в интерпретации Форш именно Каверин становится лицом борьбы за новое искусство в стане «Серапионовых братьев».

Каверин, в свою очередь, также создал собственный портрет 1920-х годов — в уже названном романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Правда, Каверин сосредотачивается на событиях, происходивших уже после распада «Серапионовых братьев».

Борьба теоретика и писателя ложится в основу «Скандалиста». Изображается время, когда «Серапионовы братья» перестают существовать как «орден», остаются лишь отдельные «братья», несущие заветы братства. Каверин все ближе сходится с Тыняновым и Шкловским. Именно спор со вторым становится причиной создания романа.

Шкловский в одном из разговоров высказывает убеждение, что современная литература не справляется с жанром романа, и для Каверина, который уже начал публикацию романа, это становится вызовом. Беседа со Шкловским переменяла первоначальный замысел: к воспоминаниям прибавился необработанный материал современной литературной жизни; авантюрный роман (в первом варианте романа параллельно развивались четыре сюжетные линии...) начал превращаться в роман с ключом.

Борьба формализма и классического подхода в литературе разрешается в пользу нового течения: Каверин буквально топит героя Ложкина, который преподает в университете и осуждает непонятных и небезопасных «формалистов». Ложкин — представитель «старой» науки. Правда, топит его автор лишь по пояс, намочив шубу и портфель. Дальше следует занимательное переплетение судеб: Ложкина ведет греться к себе домой Халдей Халдеевич — его брат-близнец, давно с ним рассорившийся из-за женщины.

А дома у Халдея Халдеевича выздоравливает другой герой — студент Ногин, прототипом которого является сам автор. Ногин заболел после спора со Шкловским, героем романа.

Тут, в небольшой комнате на Васильевском острове, Ногин встречает потерявшего себя гонителя формализма в сырой шубе. Ногин выздоравливает и однажды ночью под воздействием теории Лобачевского пишет рассказ, в финале которого соединяются две параллельные сюжетные линии. Он понял, к чему шел, к чему стремился.

¹ Речь может так же идти об О.И. Сенковском (барон Брамбеус) — журналисте и редакторе «Библиотеки для чтения», диссертацию о котором в 1929 г. написал В. Каверин.

Это — проза: «Именно так — логикой — и началась эта ночь. Кончилась она прозой» [Каверин 1980, т. 1: 574].

Так Каверин продолжает художественное осмысление своего пути, начало которого описано в романе Форш. Он переживает путь от ориентации на европейские традиции к тому, чтобы склониться в сторону нового подхода — формализма.

А дальше следует роман «Художник неизвестен» (1931) — один из последних формальных экспериментов в ранней советской литературе, в котором автор прибегает не к уже знакомой буквализации, а к ее противоположности — метафоризации. Противостояние между художниками и цензорами, редакторами, новой властью Каверин переносит на сцену театра, который становится местом действия в романе. Герои сражаются бутафорскими шпагами и скачут на деревянных конях, чтобы взять театр под контроль.

Сразу после публикации романа «Художник неизвестен» выходит статья Р. Миллер-Будницкой «Эпигон формализма», направленная против Каверина. Возможно, именно это прозвище становится толчком для окончательной смены художественного метода — следующий роман, «Исполнение желаний», Каверин начнет публиковать лишь в 1934 г.

После 1920-х годов Каверин постепенно переходит от сложных формалистских экспериментов к более доступной, сюжетно насыщенной беллетристике, сохраняя при этом глубину философского замысла. Его творческий путь — от «Одиннадцатой аксиомы» к «Двум капитанам» — отражает не просто смену стиля, а осознанный выбор: от элитарного авангарда к литературе, способной говорить с широкой аудиторией. Роман «Два капитана» стал кульминацией этого перехода — он объединил авантурный сюжет, историческую достоверность и моральную драму, превратившись в символ советской литературы, способной сочетать вдохновение и гражданский пафос. Таким образом, Каверин не отказался от своих «серапионовских» корней, а трансформировал их: из конструктора сюжетных ловушек он стал мастером повествования, чья история о вере, мужестве и поиске истины осталась в памяти читателей на десятилетия вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева И.В.* Литературное объединение «Серапионовы братья»: немецкая традиция в культуре русского неоромантизма // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и международная коммуникация. 2010. № 2. С. 73–80.
2. *Горшкова Е.О.* Жанровая категория «роман с ключом» и ее воплощение в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» // Культура. Литература. Язык. Материалы международной конференции «Чтения Ушинского» факультета русской

филологии и культуры Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2013. С. 138–143.

3. Каверин В.А. Литератор. М., 1988.
4. Каверин В.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1980.
5. Каверин В.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1983.
6. Каверин В.А. Эпилог. М., 1989.
7. Лю Линь, Вань Юй. Идеи ОПОЯЗа в раннем творчестве В. Каверина (на примере рассказов «Ревизор» и «Хроника города Лейпцига за 18... год» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Вып. 5. С. 1782–1787.
8. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006.
9. Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки. М., 1986.
10. Форш О.Д. Сумасшедший корабль. Вашингтон, 1964.
11. Чистобаев А.В. Гибель Петербурга в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. СПб., 2015. С. 185–190.
12. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1998.
13. Шкловский В. Жили-были. М., 1966.
14. Шварц Е. Живу беспокойно. Из дневников. Л., 1990.

REFERENCES

1. Vasilyeva I.V. Literaturnoe ob"edinenie «Serapionovy brat'ya»: nemeckaya tradiciya v kul'ture russkogo neoromantizma [Literary Association "Serapion Brothers": the German Tradition in the Culture of Russian Neo-Romanticism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikaciya*, 2010, no. 2, pp. 73–80. (In Russ.)
2. Gorshkova E.O. Zhanrovaya kategoriya «roman s klyuchom» i ee voploshchenie v romane O. Forsh «Sumasshedshij korabl'» [Genre Category "Novel with a Key" and its Embodiment in O. Forsh's Novel "The Lunatic Ship"]. *Kul'tura. Literatura. Yazyk. (Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chteniya Ushinskogo» fakul'teta russkoj filologii i kul'tury Yaroslavskogo gos. ped. un-ta im. K.D. Ushinskogo)*, 2013, pp. 138–143. (In Russ.)
3. Kaverin V.A. Literator [A Man of Letters]. Moscow, *Sovetskij pisatel' Publ*, 1988. 304 pp.
4. Kaverin V.A. Sbranie sochinenii v 8 tomah. T. 1 [Collected works: in 8 vols. Vol. 1], Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1980. 620 pp.
5. Kaverin V.A. Sbranie sochinenii v 8 tomah. T. 7 [Collected works: in 8 vols. Vol. 7], Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1983. 590 pp.
6. Kaverin V.A. Epilog [Epilogue], Moscow, *Moskovskii rabochii Publ*, 1989. 544 pp.
7. Liu Lin Wan Yu. Idei OPOYAZa v rannem tvorchestve V. Kaverina (na primere rasskazov «Revizor» i «Hronika goroda Lejpciga za 18... god» [The Ideas of the Formal School in the Early Work of V. Kaverin (On the Example of the Short Stories "The Inspector General" and "Chronicle of the City of Leipzig for 18..."]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2025, Issue 5, pp. 1782–1787. (In Russ.)
8. Nikolaev D.D. Russkaya proza 1920-1930-h godov: avantyurnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza [Russian Prose of the 1920s-1930s: Adventurous, Fantastic and Historical Prose]. Moscow, *Nauka Publ*, 2006. 688 pp.
9. Fedin K.A. Sbranie sochinenii v 12 tomah. T. 12 [Collected works: in 12 volumes. Vol. 12]. Diaries and Notebooks, Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1986. 623 pp.

10. Forsh O.D. Sumasshedshii korabl' [The Lunatic Ship]. Washington, *Inter-Language Literary Associates*, 1964. 237 pp.
11. Chistobaev A.V. Gibel' Peterburga v romane O. Forsh «Sumasshedshij korabl'» [The Perishing of St. Petersburg in O. Forsh's Novel "The Lunatic Ship"]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya* – 2015. 2015, pp. 185–190. (In Russ.).
12. Chukovsky N. Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1989. 336 pp.
13. Shklovsky V. Zhili-byli [Once upon a Time]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1966. 552 pp.
14. Schwartz E. Zhivu bespokoino. Iz dnevnikov [I Live Turbulently. From the Diaries]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1990. 786 pp.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Отредактирована 25.05.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 12.10.2025

Revised 25.05.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Софья Александровна Румянцева — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sonya_kit-kit@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sofya A. Rumyantseva — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sonya_kit-kit@mail.ru